

ЗАВТРАК НА РУИНАХ

Майкл Муркок

Перевод Виктора Беньковского

«Забудем на минуту о громадном значении Южного Вьетнама сегодня и о наших действиях там. Как человеку, претендующему на роль профессионального историка, мне нередко приходилось размышлять вот над чем — в истории Вьетнама, в истории всей Юго-Восточной Азии, равно как и в американской политике, проводимой в этом регионе, как в зеркале отражаются все основные проблемы, потрясавшие мир в течение последних 25 лет. И, действительно, двадцатипятилетний отрезок новейшей вьетнамской истории включает в себя французское колониальное правление (типичный пример колониальной политики), конец колониального периода, выход на мировую арену, борьбу национализма и коммунизма. В этом же зеркале отражаются наши отношения с Советским Союзом и

коммунистическим Китаем, а также отношения этих двух сверхдержав между собой. В этом же зеркале нашло отражение и наше отношение к европейской колониальной политике (пример тому — Франция) и, начиная, по крайней мере, с 1954 года, отношение к Вьетнаму — по вопросам предоставления суверенитета и национального самоопределения...

...Во всей Юго-Восточной Азии сегодня нам в целом доверяют — поездка Дрю Мидлтона лишь подтвердила это. Затраченные усилия не пропали впустую. Но это не значит, что доверие к нам будет сохраняться вечно. Хочу заметить, что оно будет подорвано, если мы, как это прекрасно выразил в своей речи президент Джонсон, допустим в Южном Вьетнаме приход к власти коммунистов или же уйдем из этой страны,

«прикрываясь разговорами о разумном компромиссе». Если же, напротив, мы и дальше будем следовать нынешним курсом — ограниченное военное вмешательство, а также использование всех мирных способов для поиска мирных решений, — перспектива мирной и стабильной Юго-Восточной Азии станет более реальной и отчетливой, чем когда-либо, начиная с тех времен, когда народы этого региона сбросили с себя колониальное иго».

Уильям П. Банди, «Путь во Вьетнам»

*Речь, прочитанная на Конгрессе Национальной студенческой ассоциации в Мерилендском университете. 15 августа 1967 года
Информационная служба Соединенных Штатов, Американское посольство, Лондон, август 1967 года*

«Мы все были взвинчены до предела. В результате, когда мы вошли туда, стрельба началась подобно цепной реакции. Почти все мы решили, что столкнулись с вьетнамскими солдатами. Однако оказалось, что это не так... Когда мы вошли в эту деревню, большинство, я бы сказал, потеряло над собой контроль...»

Рядовой Деннис Конти

«Они продолжали идти на нас... Слышно было, как маленькая девочка все повторяла: «Нет, нет...». Внезапно «джи-ай» открыл огонь и скосили их».

Репортер Рон Хэберли

«Похоже, «джи-ай» смутно представляли себе, что надо делать; перестрелять их, наверное, показалось хорошей идеей. «Джи-ай» так и поступили. Старая женщина, которая сражалась столь упорно, возможно, была партизанкой. А может быть, среди убитых была ее дочь».

*Репортер Джей Робертс, «Бойня в Май Лай, и что было потом»
Сеймур М. Херш, «Харперс мэгэзин», май 1970 года*

«Мистер Дэниел Эллсберг будет завтра препровожден в Бостон, в город, где он проживает. Дэниел Эллсберг был арестован в пятницу. Он обвиняется в незаконном владении секретными документами, ввиду чего был выдан ордер на его арест. С 16 июня, после того как репортер «Нью-Йорк Таймс» упомянул, что он располагает копиями пентагоновских документов, мистер Эллсберг и его жена скрывались. Пентагон собирается передать материалы, касающиеся наших действий во Вьетнаме, в Конгресс для конфиденциального использования. В субботу департамент юстиции пытался убедить Верховный суд в том, что публикация подобных документов может подвергнуть угрозе жизнь наших солдат в Южном Вьетнаме...»

«Гардианс», 28 июня 1971 года

— Тебе не пора? — спрашивает Карла друг. — А то, по правде говоря, я уже беспокоюсь. Кроме того, я думаю, мне надо бы поспать.

— Да нет еще, — отвечает Карл.

— Знаешь, ты, пожалуй, иди. А то я что-то неважно себя чувствую. Так уж вышло.

— Ты какой-то бледный. — Карл смотрит на лицо чернокожего. Если судить по его, Карла, коже, чернокожий и вправду бледен.

Карлу двадцать два. Последние несколько месяцев он служит в армии. Уже пять месяцев как он во Вьетнаме. Хотя за все это время ему довелось видеть лишь одного вьетконговца, Карл чувствует себя усталым от постоянного напряжения и страха. Подобно остальным, Карл старается этого не показывать, пытается непрерывно шутить. Жара, едкий пот, джунгли, грязь, насекомые, убожество, нищета, смерть, и ни единого вьетконговца. А ведь известно, что эта местность буквально кишит ими.

— Я немного отдохну, и все будет в порядке, — говорит Карлу его друг. — Ты меня, мягко говоря, изнурил.

Карл вытягивает указательный палец и проводит по губам друга.

— Ну, не мог же я тебя уж ТАК изнурить.

Их двадцать два. Все держатся из последних сил. Уже несколько недель пищей им служат лишь сухие пайки. Карл забыл, когда в последний раз менял одежду. В окрестных джунглях все время что-то потрескивает. Но там никого не оказывается. Карлу все почему-то напоминает виденный им фильм Джона Уэйна. Грязь, дерьмо, палящая жара, затем вдруг бой, яростный и мгновенный. Победа. Крутой капитан в конце концов доказывает всему миру, что он имеет право на суровость со своими людьми. Склоненные головы над мертвыми товарищами. Почти никто не в состоянии удержаться от слез... Карл возвращается к действительности. Видать, они пока лишь в начале фильма. Вокруг только грязь, дерьмо и жара.

Губы Карлова друга приоткрываются. Карл не замечал раньше, что у того довольно скверные зубы.

— Просто позволь мне немного отдохнуть.

Карлу двадцать два года. Его матери сорок пять. Отцу сорок четыре. Отец держит скобяную лавку в Фениксе, штат Аризона. Мать Карла домохозяйка.

Наконец-то Карл в серьезном деле. Он чувствует, что если выживет в этом задании, то все будет позади, а впереди замаячит возвращение домой. Он снова, как и раньше, будет помогать отцу в лавке. В настоящий момент это было все, о чем Карл мечтал.

Плечом к плечу со своими товарищами он сидел в трясущейся кабине вертушки, которая должна была доставить их к месту операции. Карл пытался было читать затрепанный комикс, который

взял с собой, но обнаружил, что ему никак не сосредоточиться. Сидящие в вертолете люди почти все время молчали, лишь изредка перебрасываясь отдельными словами.

Руки у Карла вспотели. От винтовки и от стенок и поручней вертолета на руках появился темный налет. На страницах книжки остались темные отпечатки. Карл засунул книгу под рубашку, застегнулся. Билл Лейнстер, один из трех чернокожих во взводе, протянул ему джойнт. Карл закурил. Травка совершенно не забрала его. Карл перекинул ремень М-16 на шею — так удобнее. Карл был весь обвешан всевозможным снаряжением. Снаряжения было столько, что Карл поневоле мечтал — скорей бы бой. По крайней мере, можно будет избавиться хоть от части этого веса, который приходится переть на себе.

Он недоумевал, что такого особенного они могут встретить в Сон Лон? Утром деревушка уже подвергалась артобстрелу. Кроме того, туда были высланы бронетранспортеры. Первый взвод уже, наверное, там. Карл во взвод. Всего взводов было четыре. Карл прикидывал, что они поспеют в самый разгар событий.

Звук вертолетного двигателя изменился, и Карл понял, что они идут на снижение. Ему показалось, что он слышит стрельбу. Карл обтер потные руки о штаны и покрепче схватился за свою М-16. Все в кабине начали вставать, готовясь к высадке. Лица солдат были непроницаемыми, почти бесстрастными. Карл надеялся, что у него сейчас такое же лицо.

— После того, что они сотворили с Голдбергом, — прорычал Билл Лейнстер, — лично я собираюсь настругать кучу ушей.

Карл ухмыльнулся. Легкий толчок отметил момент посадки. Сержант Гроссман открыл люк. Теперь Карл совершенно явственно слышал стрельбу, но не видел ничего, кроме пары деревьев, маячивших неподалеку.

— О'кей, парни, вылезайте, — угрюмо проговорил сержант Гроссман. Он дал несколько коротких очередей в сторону ближайших деревьев и выпрыгнул наружу. Карл выпрыгнул пятым. Здесь уже находились восемь других вертолетов. Все вокруг буквально утопало в грязи. Карл увидел четыре больших бронетранспортера, ведущих яростный огонь по какой-то цели в небе. На посадку заходили еще две гигантские черные машины. Звук вертолетных двигателей почти заглушал стрельбу. Было похоже, что первый взвод все еще в зоне высадки. Карл увидел, как сержант Гроссман бежит к тому месту, где со своими людьми стоял лейтенант Шнейдер. Несколько секунд они о чем-то говорили, затем Гроссман побегал обратно. Взвод Шнейдера двинулся в сторону джунглей. Выждав минуту или две, Гроссман приказал выдвигаться вперед, войдя в джунгли, слева от того места, где в джунгли проник взвод Шнейдера. Карл предположил, что здешние вьетконговцы либо убиты, либо отступили назад, к деревушке. Со стороны врага огня не было заметно, но Карл по-прежнему держался настороже. Вьетконговцы могли быть где-то поблизости и атаковать в любой момент и с любой стороны. На мгновение Карл вспоминал о пиве «Соогс». Не о любом пиве, а именно о «Соогс». В запотевшем от холода бокале. А можно не «Соогс», а «Коол». «Коол» можно было заказать в том самом баре, в Даунтауне, где отец каждую субботу надирался со своими друзьями. Туда Карл первым делом и двинет, когда окажется дома. Огонь впереди стал сильнее. Должно быть, первый взвод столкнулся с вьетконговцами. Карл вглядывался в джунгли, но по-прежнему ничего не видел. Сержант Гроссман дал знак двигаться вперед, соблюдая повышенную осторожность.

Книжка с комиксами ерзала под рубашкой, в районе желудка. Карл жалел, что потащил ее с собой. Он оглянулся на Билла Лейнстера. У Лейнстера был единственный на весь взвод гранатомет. Карл подумал, что Лейнстеру было бы лучше находиться впереди, вместе с пулеметчиком и сержантом. С другой стороны, они шли сейчас с неприкрытым тылом и неприкрытыми флангами. Насколько Карлу известно, технически это вполне осуществимо, но почему-то никто этим не занялся. Карл чувствовал, что в любой момент в него могут выстрелить из-за деревьев. Он начал внимательно рассматривать землю, опасаясь мин, стараясь осторожно ступать шаг в шаг с теми, кто шел впереди. Сержант Гроссман замер, и тотчас же все остановились. В просвете между деревьями виднелась кирпичная кладка. Взвод добрался до Сон Лон. Слышалась ожесточенная стрельба и канонада.

Внезапно Карл весь подобрался. Как-то вдруг он почувствовал, что в этом задании должен выложиться до конца. Все тело его напряглось.

Они вошли в деревню.

Первое, что бросилось в глаза, — тела вьетконговцев в черных шелковых одеждах и соломенных шляпах. Главным образом это были мужчины средних лет, а также несколько женщин. Судя по всему, с оружием у них было негусто. Возможно, винтовки, которые трупы еще сжимали в руках, достались от первого взвода.

Две или три хижины уже вовсю пылали, забросанные гранатами, а затем политые пулеметным огнем. Пара красных кирпичных строений тоже носила на себе явственные отпечатки недавнего боя. Перед одним из кирпичных строений лежало окровавленное тело мальчишки лет восьми-девяти. Это было самое мерзкое в этой войне. Желтые использовали таких мальчишек, чтобы отвлечь огонь или даже бросать во врагов гранаты. Слева послышалась стрельба. Карл повернулся и резко пригнулся, вскинув винтовку. Однако атаки не последовало. Взвод осторожно продвигался по деревне. Лейнстер по команде Гроссмана зарядил гранатомет и начал поливать огнем хижины и дома, уничтожая все подряд, на случай, если внутри еще укрывались вьетконговцы. Как-то подозрительно тихо, подумал Карл, недоумевая. Чего ждут желтые? Может быть, в этой деревушке их куда меньше, чем предполагал капитан Хеффер? А, может, они ушли на рисовые поля, что находились слева и справа от деревни?

У Карла прямо руки чесались выстрелить во что-нибудь. Ну, хоть бы один вьетконговец появился!

Взвод вышел на деревенскую площадь. Лейтенант Шнейдер со своими людьми был уже там, собрав в центре жителей. По площади было разбросано множество тел, главным образом женщин и детей. Карл уже привык к виду трупов, но ему никогда не доводилось видеть их столь много. Карл испытывал отвращение к вьетнамцам. Они и в самом деле были неполноценными людьми. Настоящие бесчувственные скоты. И вели себя точно так же, как в свое время японцы во время войны или потом китайцы в Корее. Спрашивается, какого хрена за них нужно сражаться?

От группы согнанных в кучу людей отделился мальчишка и побегал вперед. В руке у него была бутылка с колкой. Мальчишка протягивал ее ближайшему солдату. Солдата звали Генри Табори. Карл его знал.

Табори попятился от бегущего на него пацана и от бедра выстрелил из своей М-16. М-16 была поставлена на автоматическую стрельбу. Мальчишка получил всю очередь, сделал несколько неверных шагов назад и упал прямо на остальных

желтых. Кое-кто из женщин и стариков начал вопить. Другие упали на колени, заламывая руки. Карлу доводилось видеть фотографии подобных сцен. Лейтенант Шнейдер пожал плечами и отвернулся. Табори вставил в винтовку новый магазин. К тому времени пятеро остальных уже вовсю палили в желтых. Тела раскрывались кровавыми цветами. Из дергающихся тел толчками выливалась кровь. Во все стороны разлетались осколки раздробленных костей.

Карл заметил сержанта Гроссмана, наблюдающего за побойщем. Лицо у Гроссмана было задумчивым. Наконец Гроссман сказал:

— О'кей, Лейнстер. Скорми-ка им свое угощение. — Сержант кивнул на хижины, которые еще не были подожжены. Лейнстер зарядил гранатомет и начал методично посылать гранату за гранатой во все двери. Из хижин начали выскакивать желтые. Гроссман тут же укладывал их на землю. Стоящий рядом с ним пулеметчик тоже присоединился к забаве. Мало-помалу остальные ребята из взвода Карла открыли пальбу. Карл опустил на колено, плотнее прижал приклад винтовки к плечу, перевел М-16 на автоматическую стрельбу и послал семнадцать пуль в какого-то старика, старую развалину, выходящую из хижины, с воздетыми вверх руками и окровавленными ногами. Карл вставил свежий магазин. В этот раз ему удалось подстрелить женщину. Та, падая, придавила ребенка. Зачем плодить сирот? Карл подошел ближе и всадил в младенца полмагазина. К этому времени все хижины и дома в деревне горели, но желтые, как тараканы, продолжали выскакивать и выскакивать наружу. Карл убил еще несколько человек. Впечатление было такое, что запас желтых в хижинах неисчерпаем.

Гроссман рывкнул, чтобы они прекратили огонь, а затем повел взвод с площади по грязной деревенской улице.

— Давайте, парни, гоните их к чертям из хижин, — ска-

зал Гроссман ребятам. — Собирайте всех этих ублюдков в кучу.

Карл вместе с негром по имени Келлер вбежали в одну из хижин и пинками и прикладами выгнали хоронящуюся там семью на улицу. Всего в хижине было двое стариков, старуха, две молодые девчонки, парнишка и женщина с младенцем. Выгнав их на улицу, Карл с Келлером потащили их к остальным. А затем, не дожидаясь приказа Гроссмана, вскинули винтовки и отправили всех желтых к праотцам.

Кое-кто из женщин, а также девчонок и ребят постарше, пытались вставать между солдатами и теми, кто помладше. Впрочем, это мало помогало. Ребята из взвода стреляли до тех пор, пока все не были мертвы. Лейнстер начал хихикать. Вскоре веселье охватило весь взвод. Оставив за собой груды тел, Карл с товарищами пошел прочь. Некоторые из парней покачивались на ходу.

— Да, славно поработали. Сколько тараканов заморили, — заметил Келлер, вытирая лоб какой-то тряпкой.

Карл оглянулся. Он заметил, как из горы трупов выбирается фигура. Это была девчонка лет тринадцати, одетая в черную кофту и черные штаны. Вид у нее был совершенно очумелый. Совсем от страха спятила. Ее глаза встретились со взглядом Карла. Карл отвел взгляд, но по-прежнему перед ним стояли ее глаза. Выругавшись, он резко повернулся, упал на колено, тщательно прицелился и метким выстрелом разнес ей голову. Подумалось: сегодня они все должны умереть. Да и вообще, спрашивается, зачем им жить? Он, Карл, оказывает им благодеяние, избавляя их от беспросветной нищеты. Кроме того, совершенно незачем оставлять свидетелей. Карл встал и поглубже надвинул каску. В конце концов, не он все это заварил. Ему сказано, что он должен стрелять во вьетконговцев, вот он в них и стреляет. Да и в любом случае сделанного не воротить.

Они вышли из деревни и пошли по дороге. В канаве между дорогой и рисовым полем они заметили целую толпу женщин и детей. Карл первым начал стрелять в них. К нему присоединился Лейнстер со своим гранатометом. На этот раз только Карл и Лейнстер не поленились открыть огонь. Когда все было кончено, наверное, с минуту все старались не смотреть друг на друга. Затем Гроссман сказал:

— Ну, что сопли распустили? Это вьетконговская деревня. Если бы мы их не остановили, они бы выросли и сделали партизанами.

Лейнстер фыркнул.

— Ага.

— Я знаю, что говорю, — сказал сержант Гроссман. Он оглядел рисовые поля, будто бы адресуясь к сотням вьетконговцев, которые, по мнению сержанта, должны были здесь скрываться. — Я знаю, что говорю. У нас нет другого выхода. Мы должны были пустить их всех в расход.

На противоположной стороне рисового поля появилась еще одна группа людей. Среди них было два гранатометчика, которые наугад палили по полям, поднимая целые фонтаны грязи, вперемешку с рисовыми саженцами.

Карл посмотрел на тела в канаве. Гранаты сделали свое дело. Тела были превращены в кровавое месиво.

Взвод направился назад, в деревню. Была обнаружена хижина, а в ней три старухи. Хижина и старухи были отправлены в расход. Был обнаружен двухлет-

ний желтомазый маленький вопящий ублюдок. Он тоже был пущен в расход. Была обнаружена девчонка лет пятнадцати. После того, как Лейнстер и еще один парень из взвода по имени Эйткин сорвали с нее одежду и изнасиловали, она тоже была пущена в расход. Карл не стал ее трахать, потому что от жары и усталости у него не стояло. Однако своего он не упустил. Верная М-16 не подвела, разнесла все девчонкины прелести в клочья.

— О Господи праведный Иисусе Христе! — осклабился Карл после того, как они с Лейнстером на мгновение остановились передохнуть. — Ну и денек!

Оба захохотали. После чего снова вернулись к работе. Были обнаружены два буйвола и тут же пущены в расход. Затем была выявлена вражеская корова. Корову тоже пустили в расход. Причем забавно: Лейнстер сразил ее из гранатомета, проделав в корове дырку.

— Гляди-ка, какая дефектная корова! — изумился Карл.

Карл и Лейнстер продолжали охотиться. Они следили, не появится ли что-нибудь движущееся. Карлу повсюду чудились лица. Лица живых. Именно лица живых, а не лица трупов были демонами, которых надо было во что бы то ни стало изгнать. Хрена они до него доберутся. Карл ударом ноги расшвыривал трупы женщин, добираясь до младенцев. Младенцев он насаживал на штыки. Потом они с Лейнстером сходили в джунгли, где нашли несколько раненых

мальчишек. Мальчишки пытались от них укувылять, но тщетно. Карл с Лейнстером пустили их в расход.

Затем Карл с Лейнстером вернулись в деревню, где увидели лейтенанта Шнейдера, о чем-то толкующего с капитаном Хеффером.

Оба — и лейтенант, и капитан — чему-то страшно смеялись. Портки у капитана Хеффера были по яйца в грязи. Похоже, капитан всласть набегался по рисовым полям. Над головой слышался гул вертушек. Где-то раз в две-три минуты откуда-то доносилась стрельба. Карл злился. Злился оттого, что больше некого было пускать в расход. На мгновение ему захотелось пустить в расход лейтенанта Шнейдера и капитана Хеффера. Если бы они обернулись и взглянули на него — лица! проклятые лица повсюду! — он наверняка бы так и поступил.

Однако Лейнстер хлопнул его по плечу, похоже, поняв, о чем Карл думает, и ткнул пальцем себе за плечо, показывая на стоящую с края деревни хижину. Часть пути Лейнстер прошел вместе с Карлом, но затем вдруг почувствовал смертельную усталость. Теперь Карл мечтал об одном: чтобы бой поскорее закончился. Карл заметил на земле уцелевшую бутылку с колкой. Он потянулся и взял ее, прежде чем до него дошло, что бутылка могла быть миной-ловушкой. Долго, бесконечно долго Карл смотрел на бутылку. Страх боролся в нем с невыносимой жадью.

Он побрел по улице между рядами разрушенных хижин, переступая через распростертые тела. Интересно, почему все-таки не появились вьетконговцы? Это была ошибка с их стороны. А он-то, Карл, уже было совсем настроился идти в бой. Винтовочная стрельба откуда-то не затихала ни на миг.

Карл обнаружил, что, сам того не заметив, вышел из деревни. Подумал: лучше бы вернуться к остальным. Все-таки надо соблюдать воинскую дисциплину. Иначе во всем этом нет никакого смысла. Карл попробовал идти назад, но не смог. Уронил винтовку. Наклонился, чтобы поднять ее. По обе стороны от него сверкали под солнцем рисовые поля. Карл потянулся к винтовке, но случайно толкнул ее ботинком. Винтовка упала в канаву. Карл полез в канаву за винтовкой. Нашел ее. Винтовка была вся в грязи. Карл понимал, что теперь придется угрохать черт знает сколько времени, чтобы привести оружие в порядок. Вдруг до него дошло, что он плачет. Он сидел на краю канавы и сотрясался от рыданий.

Немного позднее его обнаружил Гроссман.

Гроссман присел на корточки на краю канавы и хлопнул Карла по плечу.

— В чем дело, парень?

Карл не мог ему ответить.

— Ладно, сынок, пошли, — ласково сказал ему Гроссман. Он вытащил из канавы перемазанную грязью Карлову винтовку и перебрал ее через плечо. — Нам здесь осталось доделать лишь кое-какие мелочи. — Он помог Карлу подняться на ноги.

Карл сделал глубокий судорожный вдох, как маленький ребенок после рыдания.

— Не беспокойся, парень, — сказал Гроссман, — ну, пожалуйста...

Казалось, он умоляет Карла, будто бы Карл напоминал ему о чем-то, о чем сам сержант Гроссман не хотел бы вспоминать.

— Ну вот, молодец. Успокоился. А то совсем раскис. Как-то это не по-мужски, — покровительственно проговорил Гроссман и потрепал Карла по плечу. Однако в голосе сержанта тоже чувствовалась нервическая нотка.

— Простите, — наконец выдал Карл, когда они двинулись назад в деревню.

— Никто тебя ни в чем не винит, — сказал сержант. — Никто никого ни в чем не винит. Что было, то было. Вот и все.

— Простите меня, — снова выдал Карл.

— «Но рано или поздно нам, хотим мы того или нет, придется кого-то обвинять. Нам нужна жертва. Козел отпущения — путь к прогрессу. Так что всегда кто-то вынужден страдать. Ну-с, лейтенант, не благоволите ли вы рассказать суду, как у вас обстоят дела с правами человека? Мы ждем, лейтенант. Почему у вас, лейтенант, все получается так просто, а у нас нет? Отвечайте, лейтенант. Отвечайте коротко и ясно. Нам интересно, лейтенант, почему вы счастливее нас».

— О чем это ты, черт возьми, бормочешь? — говорит друг Карла, открывая глаза и зевая.

— Да ничего я не говорил, — отвечает Карл. — Тебе это, наверное, приснилось. Ну, как ты себя чувствуешь, лучше?

— Не уверен.

— Попробуй не обращать на это внимания.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ (17)

Вы пересекаете пустыню на автомобиле.

Однако случилось непредвиденное. Ваша машина перевернулась, а ваш друг, вместе с которым вы путешествуете, тяжело ранен. Почти наверняка он умрет.

Как вы поступите? Останетесь с ним в надежде, что появятся спасатели?

Или же оставите его, отдав остатки воды, обещав всем, что поможет бы ему продержаться, а сами отправитесь искать помощи, отлично зная при этом, что он, возможно, будет мертв к тому времени, когда вы вернетесь с подмогой?

Или же вы сочтете, что поскольку вашему другу почти наверняка крышка, имеет смысл отправиться дальше одному, взяв всю пищу и воду, увеличивая тем самым собственные шансы на спасение?

Или же вы останетесь со своим другом в тени искореженного автомобильного кузова, выбрав разумный компромисс: не покидать друга, пока он не умрет, но вместе с тем и не переводить на него пустую воду?